

Когито-Центр, 2001. – С. 89–112.

2. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы / А. В. Гулыга. — М. : Изд-во Эксмо, 2003. – 448 с.

3. Осетрова О. А. Феномен суицида в истории западноевропейской философии: Монография / О. А. Осетрова. – К. : Вища освіта, 2007. – 351 с.

4. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. / В. С. Соловьев / ред совет : В. С. Степин, С. С. Аверинцев, Г. А. Ашуров и др. – М. : Правда, 1989. – Т. 1–2.

Пісна Ю. В. Феномен суїциду в контексті філософського вчення В. С. Соловйова і Н. А. Бердяєва: компаративний аналіз.

Проаналізовано погляди на проблему самогубства В. Соловйова та М. Бердяєва шляхом компаративного аналізу.

Ключові слова: самогубство, егоїзм, людина, життя, любов, сила волі, суперечність, свобода.

Pisna Yu. The phenomenon of suicide in the context of philosophical doctrines of V. Soloviev and N. Berdyaev: the comparative analysis.

In this research the comparative analysis of the views of two eminent thinkers V. Solovyov and Berdyaev on the phenomenon of suicide is held. Marked comparison occurred within common philosophies both of Vladimir Soloviev and Berdyaev in four aspects: 1) the problem of free will and necessity, 2) external and internal contradictions of the phenomenon of suicide, and 3) the nature of selfish plants suicides, 4) life-giving the power of love, as the overcoming of selfishness. The study of each aspect led to the following conclusions.

1. Suicide as depriving yourself of life serves as an act of free will: realizing their own vices, a man holds court on himself, by committing suicide, claiming in their own abilities and freedom, overcoming the idea of God. In this lies the illusion of suicide in which a person does not win the world and conquered the world.

2. First, regarding the internal contradictions inherent in suicide, Soloviev said that the power and freedom, to some extent inherent in suicides are balanced at the same time, their diametrically opposite qualities - impotence and bondage. Second, Berdyaev concerning external contradictions inherent in suicide, noted that this phenomenon is at the same time in people pity and condemnation, the horror. Thus, volitional impulse, which is implemented in suicidal act, should be sent to overcome the difficulties of life, and that is what would have betrayed the greatness of the man who would continue to live, do not break any laws (or men, or of God).

3. Berdyaev focused on the fact that the problem of suicide lies in its most concentrated «I» in itself. And suicide is the only way out of their own closed «I», a characteristic feature of which is the narrowing of the human mind that is the subject suicidal tendencies. The whole world for such a consciousness is concentrated at a single point that represents their own pain and suffering. This view of the suicides allowed N. Berdyaev define suicide as egocentric, which by virtue of their self-centeredness can not sacrifice, respectively - with their lives. In turn, Vladimir Solovyov main features of suicide as Berdyaev, seen in its focus in itself, in its evil alone. The main thing is that both thinkers have focused on the need to overcome selfishness, as the only way to save the suicides. To do this, thinkers felt the need to disclose to the meeting closed I God, to others that it is possible in the way of love.

4. Recognizing, in certain situations, the tragedy of Eros, both thinkers have focused on saving for the love of another person, which is overcome by self-interest and the opportunity to acquire the potency of life. The meaning of love is to be seen in the creation of the new man, which must be understood in the literal sense (refers to the continuation of the human race) and figurative (refers to the birth of a new spiritual way). It should be noted that both the Russian thinker extraordinary significance in the context of the study of the phenomenon of suicide provided the faith and religion that can give a person a real salvation.

Keywords: suicide, egoism, man, life, love, will-power, contradiction, freedom.

Надійшла до редколегії 26.01.2013 р.

УДК 87.21

В. И. Пронякин, Р. А. Евтушенко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА К.-О. АПЕЛЯ В ИНТЕРАКТИВНОМ ПОЛЕ КОММУНИКАТИВНОГО СООБЩЕСТВА

Исследуется трансцендентально-прагматическая теория К.-О. Апеля как попытка трансформации неклассической трансцендентальной философии субъективности в постнеклассическую трансцендентальную философию intersубъективности.

Ключевые слова: трансцендентальная прагматика, субъективность, intersубъективность.

Актуальность темы. Наследуя и развивая богатое теоретическое достояние, накопленное философией минувшего века, современная мысль активизирует рефлексивный поиск в очерченных осуществленными дискурсами проблемных полях. В перечне приоритетных сохраняют актуальность, можно даже сказать – «метафизическую злободневность», – проблемные артикуляции, последовательно и целенаправленно отслеживаемые современной философией языка. Одной из подобного рода артикуляций в XX веке предстала трансцендентальная прагматика, концептуально и методологически воплотившаяся в коммуникативной философии, а именно: в теории коммуникативного сообщества К.-О. Апеля и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Общим базисом, на который опираются обе теории, выступает концепт коммуникативной рациональности, конституирующей общество. Можно со всей ответственностью утверждать, что трансцендентальная прагматика, как метафизическая составляющая коммуникативизма, не является его частным «изобретением», а должна трактоваться как культурно-онтологически заданное поле семиотической «бифуркации», разделяющее классический и неклассический (метаморфизирующийся впоследствии в постнеклассический) способы философствования.

Цель представляемого исследования: Показать роль и значение трансцендентальной прагматики (в концептуальной версии К.-О. Апеля) в процессе формирования и становления неклассического и постнеклассического типов философствования.

Изложение основного материала. Итак, представляемое исследование посвящено, главным образом, рассмотрению трансцендентальной прагматики как методологической и мировоззренческой основы, на которой зиждется конституирующая практика современного философского антропологизма. Вместе с тем, мы попытаемся показать, что основополагающие принципы трансцендентальной прагматики, выступающие ведущими конституитивными средствами (главным образом) коммуникативной философии, представляют собой метаморфизированный концептуальный феномен, сформировавшийся на преемственно-эволюционном пути западной философии от классике к неоклассике и постклассике (условно, сообразуясь с темой и предметом статьи, этот путь можно означить «от Канта «через» Пирса к Апелю и Хабермасу»).

«Отрезок пути» «от Канта к Пирсу» (что общеизвестно достаточно «пристально») отслежен самими представителями коммуникативизма, прежде всего – К.-О. Апелем. Нам же предстоит реконструировать трансцендентальную прагматику в ее ставшей, «завершенной» (завершенной относительно, в пределах сложившейся к настоящему времени культурно-онтологической парадигмы) статусной определенности. Источником реконструкции послужит, как было означено выше, наследие виднейшего представителя коммуникативной философии, К.-О. Апеля.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу предмета настоящего исследования, напомним, что коммуникативизм является одним из современных философских течений, в границах которого настойчиво отстаивается идея о ценности традиции как источника для построения тех или иных концептуальных доктрин: предметно-содержательный и теоретико-методологический состав современных философских учений следует рассматривать как результат конструктивно-критического переосмысления достижений предшественников. Примером воплощения этой идеи в дискурсивную практику является проведенный Апелем анализ семиотической трансформации учения И. Канта, осуществленной Ч. С. Пирсом.

Последовательно отстаивая свой «курс», К.-О. Апель (как и ряд других «реконструкторов» традиционной европейской философии), пришел к выводу, что философия модерна занималась собственными абстрактными построениями «практического разума» в значительно большей мере, чем реальной, живой практикой, «жизненным миром» индивидов. На этом же, кстати, настаивали и классики прагматизма Ч. Пирс и У. Джемс. Так что и в данном вопросе коммуникативизм не отличается «первостепенной» новизной (см. рубрику актуальность). Но важно здесь

то, что К.-О. Апель на протяжении всего своего творчества практически воплощает идею о том, что философия должна в полном и истинном смысле этого слова стать прагматикой, причем прагматикой трансцендентальной.

Одним из источников творчества стали для Апеля история этики и проблемы этического обоснования трансцендентальной прагматики (как, впрочем, и обоснование самой этики). В фундаментальном исследовании «Трансформация философии» К.-О. Апель настаивает на необходимости и возможности «последнего обоснования» теоретической и практической философии утверждая, что его может дать именно трансцендентальная прагматика. Мыслитель выдвигает на первый план проблемы коммуникативности, погружая их в контекст взаимодействия коммуникативного сообщества и дискурса. Он подчеркивает, что уже простое беспокойство любого человека вопросами о смысле, содержании, необходимости морального начала в его действиях и действиях других людей фактически означает его вступление на почву, или сцену «аргументативного дискурса» и в реальное соотнесение конкретных действий с этическими правилами, нормами, принципами и, значит, с их осмыслением, отрефлексированием, обсуждением [2].

В ином, непосредственно философско-методологическом плане интересы Апеля сосредоточены на анализе языка как исходной реальности: философия в этом плане предстает реакцией на значение или смысл языковых высказываний. Апель строит трансцендентально-герменевтическую концепцию языка, основывая ее, с одной стороны, на признании того, что язык является трансцендентальной системой, а с другой, – фиксируя виртуальность ее статуса как условия возможности диалогического взаимопонимания и понимания самого себя. Ключевым моментом здесь есть то, что Апель обращает внимание на роль языка в контексте субъект-субъектных отношений. Эти отношения трактуются им как интересубъективная коммуникация, которую нельзя свести к языковой передаче информации, хотя она, тем не менее, одновременно является процессом достижения согласия.

В трансцендентальной прагматике язык размещается в трех ее ипостасях: как условие возможности естественных наук, условие эмпирической и теоретической науки о языке, и, в конце концов, условие самой трансцендентальной философии. Кроме того, Апель подчеркивает, что и теоретическая, и практическая философия должны быть опосредствованы философским анализом использования языка. С помощью нового анализа языка Апель считает возможным создать современную философию, которая могла бы дать ответы на вызовы времени.

Первый шаг Апеля в направлении «к языку» состоял в переосмыслении триадичной конструкции семиозиса: «знак – предмет – интерпретатор». В бихевиористской прагматике основной фокус исследования был скорее направлен на диадическое отношение «знак – предмет», чем на интерпретатора. Основоположник коммуникативизма считает, что интерпретатор воспринимался бы серьезно, если бы он как субъект интерпретации принимался к вниманию другими субъектами интерпретации, такими же участниками интерпретационного процесса. Другими словами, трехчленное отношение «знак – предмет – интерпретатор» можно понять, исходя из предпосылок хотя бы мысленного участия другого субъекта интерпретации [1].

Таким образом, новация Апеля заключалась в дополнении трехчленного семиотического отношения: «объект – знак – субъект» другим субъектом, который находится с первым субъектом в отношении знаковой коммуникации. Это означает конституирование отношений, которые Апель называет коммуникативным сообществом. При этом он исходит из представления о языке в единстве его синтаксических, семантических и прагматических составляющих.

Трехчленное отношение знака к предмету коррелирует мысленное отношение вещей к интерпретатору в единстве с критическим анализом теории языковых актов; это становится для Апеля ключом к созданию концепции неограниченного коммуникативного сообщества, в котором трансцендентальный субъект растворяется в исторически укоренившемся коммуникативном сообществе, целью которого являются достижения конвенции в процессе понимания. Иными словами,

речь идет о том, чтобы рассматривать реальное коммуникативное сообщество, являющееся субъектом материальных нужд и интересов; равным образом сюда входит идеальный субъект познания и аргументаций [3].

Некоторые авторы считают, что по своей сути философия Апеля является лингвистической версией трансцендентальной философии, именно поэтому в ней особенно важна роль языка. «Язык в философии Апеля – это и реально-историческая языковая взаимосвязь, из которой его участники не могут выйти, и идеальная взаимосвязь понимания в идеальном коммуникативном сообществе. Язык выступает как средство интеграции телесного априори и априори сознания. Наличие этих двух полюсов, которые интегрируются с помощью языка, – телесной функции и чистой функции сознания, – является основой всех отличий эмпирического и трансцендентального сознания» [3, с. 71]. Язык в таком понимании играет роль проводника в опосредствовании эмпирической и трансцендентальной интересубъективности. Он выступает в качестве органа познания, средства формулирования результатов познания и их сообщения партнерам из коммуникации. Он же составляет основу всех жизненных практик, форм, институтов. Язык является медиатором понимания, коммуникация мыслится Апелем как основанная на предпонимании, предпосылкой возможности которого есть «языковой консенсус», т. е. согласованное понимание смысла в неограниченном коммуникативном сообществе.

Реальность языка у Апеля задает и предметную область, и метод трансцендентальной прагматики, предлагая свои критерии суждения о социуме и очерчивая, таким образом, специфический горизонт рассмотрения современного общества. В основе проекта трансцендентальной прагматики лежит фундаментальное представление о неразрывной связи рациональности и социальности. Философ считает, что не существует разума без социума и нет социума без разума, что каждое разумное существо является обязательно социальным. Социальность и рациональность невозможны без языка и напротив – языковое выражение не может предсуществовать извне и существовать вне коммуникативного сообщества.

Концепция языковой коммуникации Апеля формируется также и в контексте его трактовки языковых практик в качестве языковых игр. Если у Витгенштейна языковая игра предусматривала взаимодействие субъекта и текста, то у Апеля это субъект-субъектная коммуникация, участники которой корреспондируются текстом, как вербальным, так и невербальным. Коммуникативный партнер, который выступает в качестве текста, не подлежит произвольной означимости и допускает определенный плюрализм своего прочтения, тем не менее, предусматривает аутентичную трансляцию семантического ядра своего языкового поведения в сознание другого; вне этой реконструкции смысла не конституируется ни игровой, ни коммуникативный партнер.

Хорошо известно, что пирсова интерпретация трансцендентализма, по мнению Апеля, позволяет вывести трансцендентальную философию из кризиса философии сознания. Открытие того, что познание в непосредственной степени обусловлено сознанием, стало важной заслугой Декарта. Время привело к пониманию, того, что и предпосылка (априори) сознания – компетентный философский тезис. В еще большей степени важно, что познание опосредствовано объективными структурами языка. Но самое главное здесь то, что ни в декартовой философии очевидности, ни в кантовской версии конститутивной деятельности сознания трансцендентализму не удалось убедительным образом обосновать отличия сознаний и в тот же время интересубъективность познания [2, с. 56].

Прагматика изучает отношение знаков к человеку, который их использует, высказывает или понимает. Апель указывает, что если логический позитивизм, в принципе, был готов признать в ней прикладную дисциплину, которая исследует особенности употребления знаков в реальной эмпирической практике, то, например, Ч. Моррис с самого начала пошел дальше: он свел ее к основам самой семиотики как науки об опосредствованной знаками поведении человека [1, с. 45]. Самые правила синтаксиса и семантики понимаются им как целенаправленная

регламентация человеческого поведения, и формальный аспект прагматики обнимает, таким образом, и логический синтаксис, и логическую семантику. Однако, исходя из сциентистской бихевиористской установки, Моррис, по мнению Апеля, не смог выйти за пределы десигнативной парадигмы языка, согласно которой знаки могут лишь «означать» – идет речь то ли о предметах объективного мира, или о потребностях человека и человеческих оценках.

Любое понимание смысла, – разделяет Апель убеждения Л. Виггенштейна, – предусматривает собственное участие в языковой игре. Хотя бихевиоризм трактует язык как форму человеческого поведения и практики, он лишен необходимой перспективы понимания языка: из внешнего наблюдения за поведением нельзя вывести ни языковые нормы, ни значения. Переходя из состояния участия в интеракции в позицию наблюдения за ней, наблюдатель самостоятельно исключает себя из перспективы субъект-субъектного отношения и лишается возможности взаимопонимания.

На Апеля значительно повлияла философия М. Хайдеггера. В хайдеггеровской концепции «фундаментальной» или «экзистенциальной» онтологии Dasein Апель усматривает новую постановку трансцендентального вопроса об условиях понимания бытия в виде «раскрытия смысла бытия». В «Бытии и времени» Хайдеггер подчеркивает важность «предпонимания» жизненного мира в исторически заданном языке, а в поздний период творчества он выдвигает еще более сильное утверждение о том, что язык есть «дом бытия», что он является определяющей силой нашего мышления, поскольку в нем артикулируется «прояснение» бытия в соответствии с исторической «судьбой бытия». Апеля привлекает то, что Хайдеггер переносит смысловые акценты из проблематики конституирования смысла в трансцендентализме на проблематику раскрытия условий возможности познания, исходя из существования преддетерминации со стороны языка и истории. Кантовское понятие трансцендентального субъекта переводится в представление о «судьбе бытия», которое дает ключ к решению вопроса об интерсубъективной значимости истины. Поэтому хайдеггеровское прояснение и сокрытие смысла бытия, по мнению Апеля, должно быть не результатом предрациональной «судьбы бытия», а результатом процесса усвоения человечеством своего опыта [2, с. 89].

Таким образом, в концепции трансцендентальной прагматики Апель стремится составить гетерогенное сопряжение сциентистской концепции языка и ее гуманистически-герменевтической интерпретации. Дорефлексивная мирская топка повседневного языка предшествует рефлексивной критике языка, который основывается на чистой семантике. Прагматизм разрешает осуществить гуманистическую интеграцию и конкретизацию языковых конструкций, связывая их с употреблением языка людьми в ситуации, соотношенной с окружающим миром, считает философ.

Доказательство «первичности» прагматического измерения языка в отношении к логико-семантическому К.-О. Апель находил в предельных языковых ситуациях слова: поэзии, философии, религии, в которых сущность языка раскрывается наиболее глубоко. Поэзия, философия, религия (соответственно предшествующий им всем миф) раскрывают и обосновывают уже присутствующее в языке публичное толкование человека и мира, а уже к ней риторическая топка и политическая целевая прагматика той или другой эпохи примеряет свою (вторичную) «правильность». Апель убежден: причиной того, что позитивистско-прагматическая семиотика, равно как и гуманизм, были более справедливыми к риторике, чем к поэзии, лишь в последнюю очередь объясняется тем, что прагматизм – подобно изящному публичному оратору – принимает во внимание среднестатистическую обусловленность любой значимости мира целями и потребностями людей, но не смысловыми событиями, в которых наряду с вещами раскрываются и истинные нужды людей. Правда, «смысловые события» принимать во внимание вообще невозможно, наверно, их можно лишь задним числом (герменевтическим способом) понимать – и то в определенной степени.

Благодаря истолкованной таким образом природе языка, в прагматике Апеля

преодолевается традиционное аристотелевское противопоставление риторики как того, что относится лишь к проблемам языковой выразительности, и логики, которая имеет дело с истинностью суждений. С истиной, хотя и в разных смыслах, имеют дело оба проявления языковой деятельности человека. Апель считает, что определенные свойства вещей, за которыми мы могли бы измерить правильность обозначений, известных нам самим лишь в свете «значений», а точнее сказать, «содержательной картины мира» некоторого повседневного языка, с самого начала конституируются как смысловые единства Правда, каждое непосредственное соотношение с ситуацией людей и среды, которая их окружает, содержит и момент значимости, больше или меньше трансцендирующей конвенциональную языковую интерпретацию мира; это будто бы представляет сомнительными известные свойства вещей, равно как и известные нужды людей, что призывает к созданию новых понятий. Тем не менее, как раз к этому обстоятельству более близка гипотеза, согласно которой функция языка состоит не только в том, чтобы правильно обозначать известные свойства, но еще и в том, чтобы в жизненных связях некоторой ситуации раскрывать, прежде всего, «свойства» окружающего мира, которые обладают наибольшей ценностью, не отказываясь при этом от того, чтобы связывать их с предыдущим раскрытием мира в том же самом конкретном повседневном языке.

Претензия сциентистского подхода на исчерпывающее «объяснение», т. е. на редукцию всяческих феноменов к каузальным зависимостям, ориентированная на объектный опыт, разрушается при попытке осмыслить субъективный опыт. Она оказывается несостоятельной при рассмотрении общества не как объекта, а как субъекта исторического действия. Однако, Апель не признает безусловного разделения этих методов как угрозу единства научной рациональности. Коррекция неокантианской версии разделения необходима уже потому, что герменевтическую проблему понимания философ относит не только к культурным текстам, но и к социально-историческому действию и практике. Правильнее будет, вслед за последователем Витгенштейна П. Уинчем, различать познание «внешних» исторических событий на основе гипотетически допустимых, эмпирических законов природы (объяснение) и постижение «внутренней» взаимосвязи между поступками и действиями путем выяснения смысловых интенций субъектов (понимание). Для Апеля принципиально важно то, что герменевтическое «понимание» осуществляется не путем «вживания» в обстоятельства вещей, которые формулируются бихевиористски, но путем «участия» в специфических языковых играх соответствующих жизненных миров и, соответственно, в форме смысловой интерпретации жизненной практики [3, с. 156].

Заключение. Обобщающий вывод проведенного исследования можно сформулировать в положении о том, что трансцендентально-прагматическая теория К.-О. Апеля в целом является попыткой трансформации неклассической трансцендентальной философии субъективности в постнеклассическую трансцендентальную философию интересубъективности. В свете раскрытия принципиальных установок трансцендентальной прагматики – методологическо-теоретической основы коммуникативизма – становится ясно, в чем заключается основная задача, которую ставит перед собой коммуникативная философия: в рациональном обосновании универсальных основ человеческого взаимопонимания и гармонизации отношений между людьми и между человеком и окружающим миром.

Библиографические ссылки

1. Апель К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель – М. : Логос, 2001.
2. Єрмоленко А. Комуникативна практична філософія / А. Єрмоленко – К. : Лібра, 1999.
3. Ситниченко Л. Першоджерела комуникативної філософії / Л. Ситниченко – К. : Либідь, 1996.

Пронякін В. І., Євтушенко Р. О. Трансцендентальна прагматика К.-О. Апеля в інтерактивному полі комуникативної спільноти.

Досліджується трансцендентально-прагматична теорія К.-О. Апеля як спроба трансформації неклассичної трансцендентальної філософії суб'єктивності в постнеклассичну трансцендентальну філософію інтерсуб'єктивності.

Ключові слова: трансцендентальна прагматика, суб'єктивність, інтерсуб'єктивність.

Pronyakin V., Yevtushenko R. Transcendental pragmatics of K.-O. Apel in the field of interactive communication community.

The transcendental-pragmatic theory of K.-O. Apel is explored as attempt to transform non-classical transcendental philosophy of subjectivity to post-non-classical transcendental philosophy of intersubjectivity.

The objective of the research is to demonstrate the role and importance of transcendental pragmatics (in the concept version K.-O. Apel) in the formation and establishment of non-classical and post-nonclassical types of philosophizing. At the same time, we will try to show that the fundamental principles of transcendental pragmatics, is the lead constitutively means (mostly) the communicative philosophy, are metamorphosed conceptual phenomenon that emerged in the succession-evolutionary path of Western philosophy from classical to neo-classical and postklassike (suspended, in accordance with theme and subject of articles, this way you can signify "from Kant "through" Pierce to Apel and Habermas").

Transcendental-pragmatic theory K.-O. Apel as a whole is an attempt to transform the non-classical philosophy of transcendental subjectivity in postnonclassical transcendental philosophy of intersubjectivity. In light of the disclosure policy guidance transcendental pragmatics - methodological and theoretical basis kommunikativizma - it is clear what is the basic problem that confronts a communicative philosophy: a rational justification of the universal foundation of human understanding and harmonious relations between people and between people and the environment.

Keywords: transcendental pragmatic, subjectivity, intersubjectivity.

Надійшла до редколегії 26.02.2013 р.

УДК 141. 33

Е. К. Скиба

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПРОБЛЕМА ВИЗУАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Анализируются визуальные маркеры гендерной идентичности, как воплощение идентификации, жизненного опыта и опыта субъективности.

Ключевые слова: гендер, социальная структура, идентичность, субъективность, феминизм.

Постановка проблемы. Вопрос гендерной социализации был, есть и будет одним из важнейших вопросов социально стабильного, культурно толерантного, истинно благого для личности общества. В силу постоянно живущей в человеке потребности видеть ближнюю и дальнюю перспективу, лишь то, что стабильно символизируется для человека как безопасность и сохранность самой жизни. И в силу этой же, естественной для человека боязни, общество в целом, и личность в частности, боятся всяких перемен. Но только перемены несут в себе прорыв к будущему, так же как и сама нестабильность синонимична жизни. Любое устремление к расширению границ принятых обществом норм, любое движение к демократии понимается как признание вторжения, нарушения гомогенности социальной идентичности, и, в частности, гендерной идентичности. Но, если мы хотим свободы, то должны понимать, что всякое и любое освобождение требует больше, чем просто признания и исследования тех различий, которые существуют между идентичностями. И изучение этих различий является изучением инструментария проблемы гендерной идентичности.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематика гендерной идентичности как социальной категории глубоко, многоаспектно и тщательно изучена в работах Л. Б. Шнейдер. Исходя из того, что идентичность есть синтез всех характеристик человека в уникальную структуру, которая определяется и изменяется в результате адаптации и субъективной прагматической ориентации в постоянно меняющейся среде, исследователь, при изучении специфики